

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Том 15

Москва
2015

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Кочеров С.Н.</i> Парадоксы моральной свободы	5
<i>Мехед Г.Н.</i> Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы.....	27

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Серёгин А.В.</i> Два аргумента против гедонизма в платоновском «Горгии»	51
<i>Платонов-Поляков Р.С.</i> Бытие к счастью: эвдемония в этике Аристотеля	70
<i>Зубец О.П.</i> 94-й сонет Шекспира и фрагмент о Величавом Аристотеля: загадка сходства	91
<i>Гаджикурбанов А.Г.</i> Коллизия натурализма и морализма в понимании Спинозой нравственных начал	117
<i>Прокофьев А.В.</i> Организационные потребности общества как исток морали в этике Бернарда Мандевиля.....	139
<i>Апресян Р.Г.</i> Понятие морального чувства в этике Френсиса Хатчесона (ранний период).....	170
<i>Троицкий К.Е.</i> Моральная теория Иммануила Канта и идея императивности в философской мысли Германии конца XIX – начала XX вв	201
<i>Рогожа М.М.</i> Этические импликации смыслов тоталитаризма в исследованиях Ханны Арендт	221
<i>Гельфонд М.Л.</i> Этика Л.Н. Толстого: дилемма свободы и закона	245
<i>Демидова Е.В.</i> Появление Другого у раннего М.М. Бахтина	274

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Обсуждение книги А.В.Прокофьева «Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости». Участники: <i>Р.Г.Апресян, Б.Н.Кашиников, Л.В.Максимов, О.В.Артемова, Г.Ю.Канарш, М.Л.Гельфонд, К.Е.Троицкий, Г.Н.Мехед, А.В.Прокофьев</i>	297
---	-----

М.М. Рогожа

Этические импликации смыслов тоталитаризма в исследованиях Ханны Арендт

Рогожа Мария Михайловна – доктор философских наук, профессор. Национальный авиационный университет. 03058, Украина, г. Киев, просп. Космонавта Комарова, д. 1; e-mail: rohozha@mail.ru

Арендт была одним из первых исследователей, кто обосновал беспрецедентность тоталитаризма как явления XX в. В статье представлены этические импликации смыслов тоталитаризма на основе рассматриваемых Арендт проблем человеческого способа жизни, человечности в темные времена, банальности зла, радикального зла, вины и ответственности. В творческом наследии Арендт тоталитаризм представляет собой систему массового террора, которая формируется в условиях разрушения политического пространства человеческого взаимодействия при обеспечении пропаганды и идеологической обработки масс отчужденных индивидов. Арендт обосновывает, что в сфере морали успех тоталитаризма возможен в результате некритического следования требованиям и нормам на уровне морали-этикета. Бездумно воспринимая требования, повинуваясь преступным приказам, человек способен делать зло приемлемым и незаметно для себя становиться соучастником масштабных преступлений. По Арендт, человеческие качества наиболее полно проявляются в публичной сфере, где человек во взаимодействии с другими людьми обустроивает мир речью и действием для себя и будущих поколений. Действуя свободно, творчески, активно в публичном пространстве, он развивает способность суждения, актуализирует вопросы нравственности и этим может предотвратить повторение тоталитаризма.

Ключевые слова: Арендт, тоталитаризм, банальность зла, радикальное зло, человечность, ответственность, суждение, мораль, этикет

Тема тоталитаризма является одной из центральных в творческом наследии Ханны Арендт. Пережив приход Гитлера к власти и формирование нацистского государства в Германии, она стремится понять природу, механизмы действия, проанализировать последствия и, что важно, наметить пути преодоления и предотвратить возможные повторения явления, которое лежит в их основе, – тоталитаризма. Арендт обращается к исследованию этого феномена в ряде своих работ, вскрывает политические, философско-антропологические, этические его аспекты.

Приступая к работе над исследованием «Истоки тоталитаризма» в первые послевоенные годы, Арендт имела в своем распоряжении определенные наработки по теме. Термин «тоталитаризм» вошел в научный дискурс в 1920-х гг., когда К. Шмитт представил идею тотального государства, в котором отождествлялись государство и общество¹. В 1938–1943 гг. К. Поппер, работая над книгой «Открытое общество и его враги», активно использовал слово «тоталитаризм» для обозначения идеи тотального государства в исторической динамике со времен Платона². Уже перед Второй мировой войной тоталитарными называли диктатуры в Германии, Италии и СССР³. Сама Арендт в библиографических обзорах своего исследования указывает нацистские архивные материалы, а по поводу научных работ по теме отмечает, что «одна весьма своеобразная особенность литературы по тоталитаризму состоит в том, что очень ранние попытки современников написать его “историю”, попытки, которые, если руководствоваться академическими стандартами, были обречены на неудачу вследствие отсутствия безусловно надежных источников, а также вследствие чрезмерной эмоциональной вовлеченности» их авторов⁴. Имея в своем распоряжении обширную документальную базу по нацистской Германии, Арендт буквально по крупицам собирает материалы по сталинской системе, используя

¹ См.: Шмитт К. Понятие политического / Пер. А.Ф. Филиппова // *Вопр. социологии*. 1992. № 1. С. 37–60.

² См.: Поппер К. *Открытое общество и его враги*: в 2 т. / Пер., под общ. ред. В.Н. Садовского. М., 1992.

³ Милза П. Что такое фашизм? // *Полис*. 1995. № 2. С. 158.

⁴ Арендт Х. *Истоки тоталитаризма* / Пер. И.В.Борисовой, Ю.А.Кимелева, А.Д.Ковалева, Ю.Б.Мишкенене, Л.А.Седова М., 1996. С. 14.

захваченный во время войны немецкими войсками смоленский архив и еще немногочисленные в то время публикации воспоминаний оказавшихся на Западе бывших граждан СССР, свидетелей сталинской системы. Понимая, что доступных материалов по СССР мало для детального анализа, она лишь изредка опирается на них и, соответственно, представляет примеры сталинского тоталитаризма от случая к случаю. Также у нее вызывает серьезное беспокойство вопрос о полноте раскрытия форм тоталитаризма в связи с отсутствием каких-либо достоверных сведений о происходящем в Китае.

Принимая во внимание эти упущения в документальной базе и отсутствие академически безупречных исследований, Арендт стремится использовать термин «тоталитаризм» по возможности осторожно. Отличая тиранию, диктатуру и деспотизм от собственно тоталитаризма, Арендт отмечает, что последний был воплощен только в общественно-политической жизни Германии и СССР во времена правления соответственно Гитлера и Сталина.

Природа тоталитарной власти

Арендт начинает свое исследование с подробного исторического обзора истоков тоталитаризма. Это, во-первых, распространившийся в Европе XIX в. **антисемитизм, обусловленный разрушением** новоевропейским государством веками складывавшегося сосуществования евреев с европейскими народами. Во-вторых, упадок национального государства вследствие империалистических тенденций в ведущих европейских странах. В-третьих, распространившиеся в колониях конкретные практики доминирования европейцев, оправданные в теориях расизма. В-четвертых, появление «избыточных» (лишних) людей, отчужденных от общественной жизни вследствие социальных и политических катаклизмов первой четверти XX в.

Эти источники Арендт представляет в качестве универсальных, однако в тоталитарных системах Гитлера и Сталина они играли весьма различную роль. Первые три фактора являются актуальными исключительно для нацизма, и только четвертый – лишние люди – оказывается общим для обеих тоталитарных систем.

Арендт показывает процессы появления лишних людей в двух исторических формах, характерных для Нового времени. Первая по времени появления форма – толпа, она представляет собой побочный продукт буржуазного мира на стадии империализма. Толпа состоит из осколков различных классов и возникает в результате социально-политических катаклизмов, таких как революции, восстания. Характерными чертами толпы Арендт называет организованность и героический культ. Умело направляемая вождями, она представляет собой силу, которую сами вожди считали «силой народа». Однако в качестве осколков различных классов толпа находится вне социальных связей и политического представительства.

Другой формой лишних людей стали массы. Это феномен XX в., хотя предпосылки для его появления заложены в традиционных установках буржуазного общества. Арендт указывает среди таковых ориентированность на успех в условиях безжалостной конкуренции, при которой гражданские обязанности и ответственность стали бесполезной растратой драгоценного времени. Одним из следствий превращения гражданского взаимодействия в обузу становится формирование индивидуализированного граждански равнодушного общества. В таких условиях лишь принадлежность к определенному классу не давала в полную силу раскрыться одиночеству отдельного человека. Когда произошло крушение классово-партийной системы, разрушилась и сопутствующая классовому обществу партийная система. Тогда атомизированные индивиды, оторванные от социально и политически упорядоченного пространства, стали массой. Эти процессы произошли в первой четверти XX в. в Германии и СССР.

В Германии массу образовали люди, которые после поражения в мировой войне ввиду большого количества и политической апатии оказались не в состоянии объединиться в какую-либо организацию по интересам, будь то политическая партия, органы местного самоуправления, профессиональные организации или профсоюзы. Утратившие привычные социальные связи, безразличные к гражданским обязанностям массы оказались чувствительными к воздействию на них вождя, выдвинувшегося из толпы. Требуя от атомизированных индивидов безусловной, неограниченной и неизменной преданности, вождь создал из них массовую организацию – тоталитарное движение. Став большинством в демокра-

тической стране, массы способствовали установлению диктатуры, а потом и тоталитаризма и таким образом уничтожили самые основы демократии. Под управлением тоталитарного движения происходила тотальная организация страны – устанавливался тоталитарный режим.

В СССР процесс формирования масс проходил иначе. Массовая атомизация индивидов произошла не в результате революции, когда претерпела существенные изменения классовая структура общества, а вследствие искусственно созданных Сталиным условий для тотального господства. При помощи периодических чисток в обществе насаждались всеобщая подозрительность и страх. Арендт называет этот прием «виной за связь с врагом». Постоянные аресты и репрессии спровоцировали волну упреждающих доносов на соседей и друзей. Человек, боясь обвинений, спешил донести на близких, чтобы выгородить себя, безотносительно к тому, насколько все обвинения и доносы соответствовали действительности. Применяемый массово, этот прием способствовал существенному ограничению личных контактов с окружающими для того, чтобы обезопасить себя ото всех, кто были так или иначе заинтересованы в «осуждении с особым низким расчетом» или вынуждены губить другого «просто потому, что их собственные жизни в опасности»⁵.

Социальные и семейные связи индивида разрушались страхом ареста, грозившего одинаковой судьбой обвиняемому и всему его окружению – семье, друзьям и случайным знакомым. Вот эти «полностью изолированные человеческие особи», лишившиеся социальных привязанностей к семье, друзьям, сослуживцам и знакомым, стали основой сталинской системы, черпая уверенность в прочности своего места в мире из членства в партии, которая распространила свое влияние на все сферы частной и общественной жизни.

Арендт показывает сходство тоталитарного движения в Германии и коммунистической партии СССР в плане воздействия на массы и подчеркивает важную роль идеологии в условиях тоталитаризма. Идеология соединяет в себе научный подход с философскими выводами и претендует на звание научной философии. Она дает массам систему «объективных законов», например в ста-

⁵ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 429–430.

линизме это «законы Истории», а в нацизме – «законы Природы». Пропаганда является инструментом завоевания масс и используется для вовлечения их в тоталитарное движение (в СССР – в партию), а также для трансляции идеологических установок зарубежной аудитории. Она выступает средством передачи идеологии во внешнюю по отношению к тоталитарной среду. Там, где тоталитаризм уже добился абсолютной власти, пропаганда заменяется идеологической обработкой – специальной процедурой воплощения идеологической доктрины с использованием насилия и лжи⁶.

Сутью тоталитаризма является террор – применение насилия без очевидной цели и системы, даже вопреки экономической выгоде. Насилие применялось к невинным людям, произвольным жертвам и обуславливало «полную пассивность», «ужасающую апатию», парализующую массы. Для установления тоталитарного режима террор использовался в качестве инструмента идеологии. А уже на последней стадии развития тоталитаризма он стал формой правления. «Террор использовался не как средство уничтожения и запугивания противника, а как инструмент управления совершенно покорными массами людей»⁷.

Особенность правления посредством террора заключается в том, что никто, даже палач, никогда не свободен от страха и приходит к осознанию своей ненужности. Террор делает человека как такового лишним в самой системе. Арендт подчеркивает: «Все люди становятся равно лишними. Операторы этой системы верят в собственную ненужность, как и в ненужность всех остальных»⁸.

Именно этот момент оказывается для Арендт самым поразительным: система, при которой все люди становятся одинаково лишними, демонстрирует очевидность того, что убедительно и последовательно отрицала вся европейская философская традиция – радикальности (абсолютности) зла. «Тоталитарные режимы, сами того не зная, показали, что есть преступления, которые люди не могут ни наказать, ни простить. Когда невозможное стало возможным, оно стало ненаказуемым, непрощительным абсолютным злом, которое более нельзя было понять и объяснить дурными мотивами своекорыстия, жадности, зависти и скупости, мстительности, жажды вла-

⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 450.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Там же. С. 595.

сти и коварства»⁹. Радикальное зло по сути является не только непроясненным (поскольку его невозможно объяснить по-человечески понятными мотивами), непощенным (как отмечает Арендт, его невозможно терпеть во имя любви, невозможно простить во имя дружбы¹⁰), но и безнаказанным. Безнаказанность – основной атрибут радикального зла. Тоталитарные системы были организованы таким образом, что вождь, отождествляя себя с системой, с каждым из ее функционеров, брал на себя тотальную ответственность за все, что творилось от его имени, и в то же время, становясь как бы рупором и порождением системы, ставил себя по ту сторону критики. «Эта тотальная ответственность за все, что совершается движением, и это тотальное отождествление вождя с каждым из его функционеров имеют самые практические последствия – никто не оказывается в ситуации, когда он был бы ответственен за свои действия или мог бы объяснить причину этих действий»¹¹. Приводя примеры Гитлера и Сталина как тоталитарных вождей, Арендт отмечает, что оба они сформировались в рамках толпы и создали тоталитарные системы, сумев сплотить массы в коллективное целое посредством пропаганды. В условиях политического равнодушия масс вождь взял на себя ответственность за происходящее, освободив от нее массы, а отождествив себя с ними, – и себя. Так впервые Арендт очерчивает проблему безнаказанности абсолютного зла, которая позднее кристаллизуется в формуле: «Когда все или почти все виновны, не виновен никто»¹².

Тоталитаризм, таким образом, – это система массового террора, формирующаяся в условиях разрушения политического пространства человеческого взаимодействия при обеспечении пропаганды и идеологической обработки масс отчужденных, атомизированных индивидов. Тоталитаризм уничтожает человеческие качества, превращает личность в «винтик накапливающей власть машины», запускает систему радикального зла. Он бросает вызов человеческому способу жизни вообще, активируя силы, до этого момента неведомые в публичном пространстве, ставит под угрозу само существование человека на земле.

⁹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 595.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 493.

¹² Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Пер. С.Кастальского и Н.Рудницкой. М., 2008. С. 413.

Антропологические условия возможности тоталитаризма

В книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*» Арендт задается вопросами: каковы человеческие качества и что означает «быть человеком»? Стремясь прояснить их, Арендт продолжает разрабатывать свою центральную тему – исследовать тоталитаризм, в этот раз обращаясь к антропологическим условиям его возможности.

Люди – представители вида, которому жизнь на Земле дана на определенных условиях. Фактом рождения человек включается в мир, во-первых, природной необходимости и, во-вторых, в мир, существование которого зависит от доброй воли и сплоченности людей в нем. Он входит в этот мир посредством речи и действия. Основные формы деятельности – это труд, изготовление и действие. Труд – деятельность, обеспечивающая биологическое выживание; изготовление – деятельность по созиданию искусственного мира вещей, окружающего человека. Действие же (или поступок) есть деятельность, которая разворачивается в пространстве человеческих отношений и воспроизводит их. Эта область, в силу того, что человек находится в ней вместе с другими людьми, есть «срединное пространство всякого взаимодействия», в котором система связей живого действия и говорения формирует ткань межлических связей. Нахождение среди множества уникальных существ, одинаковых (ибо «без однородности не было бы никакого взаимопонимания среди живых, никакого понимания мертвых и никаких планов относительно мира, населенного уже не нами, но все-таки еще подобными нам» и в то же время отличающихся («без абсолютного отличия каждой личности от любой другой, какая есть, была и будет, для взаимопонимания не было бы нужды»), удостоверяет «человеческую плюральность, состоящую в том, что существа неповторимо разнообразны от начала до конца находятся в окружении себе равных»¹³.

Для того чтобы наполнить конкретно-историческим содержанием свои теоретические конструкции, Арендт обращается к греческому полису как образцу, в котором в полной мере реализован

¹³ Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. В.В.Бибихина. СПб., 2000. С. 228, 232.

потенциал «взаимного действия и говорения». «Политическая сфера в смысле греков... возникает непосредственно из бытия-друг-с-другом, “общительного соучастия в словах и делах”»¹⁴. Мир греческого полиса – это пространство, где люди, поэтизируя величие человеческих свершений, повествуют о своей жизни, представляют перед публикой свои истории. Созданный Арендт образ греческого полиса призван «утвердить центральную мысль о том, что сфера именно греческой публичности, иными словами, область политики как решения общеполисных дел и проблем, объективно была и воспринималась греками как та арена, на которой человек мог действовать и часто фактически действовал наиболее свободно, спонтанно, творчески, активно»¹⁵.

Сравнивая особенности политического процесса в античности и Новое время, Арендт задается вопросами: какие изменения произошли с ценностным содержанием политики и чем они были обусловлены? Она исследует трансформацию аристотелевского термина *bios politikos* у римлян и через них – в средневековой философии и далее в интеллектуальной традиции Нового времени, привнесение экономической составляющей в пространство публичности, превращающей нововременное политическое пространство в безликий мир классов, в котором конформность становится высшей добродетелью, а правила поведения, сопряженные с дисциплинарными санкциями, заменяют человеческое взаимодействие. Арендт исследует путь, которым в публичную сферу входит насилие, и политика из действия превращается в инструмент достижения определенной цели или обслуживания частного интереса. Арендт показывает нарастание отчужденности человека от политической жизни. Отчужденные, политически неактивные индивиды – это как раз те массы, которые в условиях разрушения классовой структуры общества способствуют установлению тоталитаризма.

Тоталитаризм стал возможен в результате низведения деятельной жизни человека к изготовлению и отчужденному труду, сведения человеческих отношений к функциональному взаимодействию производителей и владельцев товара, где товаром ста-

¹⁴ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни С. 262.

¹⁵ Мотрошилова Н.В. Ханна Арендт и Мартин Хайдеггер: бытие – время – любовь. М., 2013. С. 281–282.

новится и рабочая сила, исчезновения духа публичности, человеческого взаимодействия в пространстве, которое из политического превращается в социальное.

Банальность зла

В условиях тоталитарной системы исчезают привычные моральные понятия и сама нормативная система существенно преобразуется. Арендт неоднократно повторяет, что массы, отчужденные от нормальных человеческих отношений, проявляют враждебность к общественной жизни, концентрируясь на личной безопасности, ради которой готовы жертвовать «верой, честью, достоинством». Арендт убеждается: «Нет ничего легче, чем разрушить внутренний мир и частную мораль людей, не думающих ни о чем, кроме спасения своих частных жизней»¹⁶.

Следует отметить, что в своих исследованиях Арендт понимает под моралью сферу, касающуюся вопросов «индивидуального поведения и образа действий, ряда правил, норм и эталонов, с помощью которого люди отличали правильное от неправильного»¹⁷. В то же время Арендт указывает на различные уровни морали. Первый, элементарный уровень – это этикет, принятые в обществе нормы и правила поведения в обыденных ситуациях. Эта система индивидуального поведения воспринимается людьми автоматически, некритично. Именно некритичность лежит в основе повсеместного принятия «нового порядка» Гитлера «добропорядочным обществом», т. е. теми, кто безоговорочно держится принятых моральных норм, безотносительно к тому, каковы эти нормы. Арендт отмечает, что при резком изменении норм у «добропорядочного общества» остается только привычка «держаться норм». И с тем же рвением, с которым немецкие обыватели придерживались традиционных правил, они стали следовать нормам «нового порядка» Гитлера. После свержения гитлеровского режима те же люди, которые ранее поверили в «новый порядок», вернулись к прежней системе ценностей.

¹⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 449.

¹⁷ Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии / Пер. Д.Аронсона // Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. С. 84.

Действенность морали уровня этикета в полной мере проявилась в «случае Эйхмана». В 1960 г. службы Израиля задержали высокопоставленного нацистского чиновника А. Эйхмана, руководившего в гестапо отделом по «окончательному решению еврейского вопроса». Представ перед судом, он упорно отстаивал свою позицию, оправдывая себя тем, что был законопослушным гражданином, исполнял свой долг, подчинялся не только приказам, но и закону. В отличие от обвинения и СМИ, демонизировавших Эйхмана, представлявших его психопатом, отправившим на смерть миллионы невинных жертв, Арендт увидела в нем вопиющую «нормальность», подтверждаемую психиатрами и не принятую во внимание обвинением, судьями и даже адвокатом обвиняемого. Она отмечает, что никто из собравшихся на суде не мог принять очевидный факт, лежащий на поверхности ответов психически вменяемого Эйхмана: «Обыкновенный, “нормальный” человек – не слабоумный, не циничный и не жертва пропаганды – оказался абсолютно неспособным отличать добро от зла»¹⁸.

В книге «Эйхман в Иерусалиме», выдержанной в жанре репортажа из зала суда над Эйхманом, Арендт вводит формулировку «банальность зла», нигде в тексте ее не объясняя и в то же время вынося ее в название, – очевидно, все содержание книги призвано свидетельствовать в пользу того, что она предоставляет читателям отчет о банальности зла. В поздних работах Арендт возвращается к формулировке «банальность зла» и стремится прояснить ее своим читателям. «Несколько лет назад в своем репортаже о суде над Эйхманом в Иерусалиме, я упомянула “банальность зла” и подразумевала под этим не теорию или учение, а нечто всецело фактическое, феномен гигантских по своим масштабам злодеяний, которые невозможно объяснить какой-либо особой дурной черной патологией или идеологическими убеждениями совершившего их человека»¹⁹.

Зло творят рядовые люди, которые в системе тоталитарной власти ощущают себя винтиками и шестеренками огромной машины. Но для того, чтобы такая система действовала, служащие всех эшелонов власти должны соучаствовать в преступлениях и

¹⁸ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. С. 49.

¹⁹ Арендт Х. Мышление и соображения морали / Пер. Д.Аронсона // Арендт Х. Ответственность и суждение. С. 218.

выставлять на всеобщее обозрение доказательства соучастия. В тоталитарной системе, таким образом, даже маленькие винтики совершают масштабные злодеяния.

Отталкиваясь от убежденности Эйхмана в том, что он подчинялся закону, Арендт стремится понять, как возникает закон, следуя которому человек совершает банальное зло. Она отвергает традиционные представления о государственном порядке как порядке правовом. Традиционная правовая система государства покоится на принятых в нем обычаях, правилах поведения и т. п., которые обычно принимаются всеми людьми как данные в божественном откровении или выведенные из человеческой природы законы. В случае гитлеровской Германии весь государственный аппарат занимался преступной деятельностью, аннулировав законность как таковую. Это стало возможным потому, что «новый порядок» был сформирован в рамках законодательства, в основу которого заложено противоречащее человеческой природе требование «Убий!». Законодательство, противоречащее человеческой природе, основам человеческого общежития, полагает Арендт, само по себе преступно.

Банальность зла кроется в незаметной для «добропорядочного общества» подмене моральных понятий, ставших обыденными и воспринимавшихся некритично. Требование «Убий» не появилось неожиданно. Оно кристаллизовалось незаметно в процессе постоянного соглашательства масс с распоряжениями вождя, которые он давал функционерам системы, а те, в свою очередь, сами, будучи частью добропорядочного общества, распространяли эту установку среди обывателей. Требование «Убий» оформлялось в обществе постепенно и продвигалось с возрастающей настойчивостью до тех пор, пока не стало обыденностью. Причем, как отмечает Арендт, убивать следовало «не врага, а невинных людей, которые не могли представлять даже потенциальной опасности, убить без всякой причины и необходимости»²⁰. Воспринимая преступные распоряжения как меньшее из зол, каждый человек делал зло приемлемым. Возложив ответственность на вождя и систему, зло в обыденной жизни совершали «не преступники, не чудовища или бездушные садисты, а самые уважаемые члены весьма добропоря-

²⁰ Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре / Пер. Р.Гуляева // Арендт Х. Ответственность и суждение. С. 75.

дочного общества»²¹. Вот эта обыденность зла и нерелексивность его совершения «добропорядочным обществом» дают основания Арендт считать банальность зла колоссальным преступлением.

Личность в темные времена

Второй уровень морали – личностный. Арендт связывает его с линией поведения, заданной Сократом. Арендт часто обращается к фигуре Сократа как героя платоновских диалогов и исторической личности, своим поведением разрушавшего устои морали-этикета. Сократ подрывает мораль-этикет, сокрушает некритическое восприятие каких-либо правил и норм, провоцирует человека на самостоятельное мышление, возможное только в уединении и вдали от скоплений народа, а значит, выводит человека из публичной жизни, замыкает на приватной и активизирует вопросы единичности.

Для Арендт сократическая мораль представляет интерес в качестве средства преодоления морали-этикета в ситуациях, когда обычаи и устоявшиеся правила перестают работать. В центре ее внимания оказываются современники, которые в силу различных обстоятельств не приняли «новый порядок» Гитлера, предпочтя исчезнуть или быть изгнанными из жизни «добропорядочного общества» Германии. Предпосылки неприятия она усматривает в общих ценностных установках тех, кого Г. Стайн назвала «потерянным поколением»²². Арендт описывает ценностные установки этого поколения: «[Они] чувствовали, что стали непригодными для нормальной жизни; нормальность оказалась бы предательством того ужаса и того товарищества посреди ужаса, которые превратили их в мужчин, и, чтобы не предать то, что несомненно всего было их собственностью, они предпочли стать потерянными – как для мира, так и для самих себя»²³. Фиксируя потерянность как характерную черту поколения, Арендт включает в него всех потерявшихся в катаклизмах первой половины XX в. Потерянные

²¹ Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 76.

²² См.: Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой / Пер. В.П.Гольшева. М., 2011. С. 85.

²³ Арендт Х. Люди в темные времена / Пер. Г.Дашевского, Б.Дубина. М., 2003. С. 250.

ми оказываются те, кто родился в 1900-е годы и ощутил на себе «непрочность всего, что еще уцелело в Европе после четырех лет бойни», и в 1910-е, поколение, которое «для вступления в мир получило на выбор нацистские концлагеря, испанскую гражданскую войну или московские процессы»²⁴. Все эти три волны «потерянных», родившихся в 1890–1920-е гг., во время Второй мировой войны стали единой группой, разделив судьбу и переживания. Ввергнутые в водоворот неизбежностей войны, они потому и оказались потерянными, что попали в духовную ловушку: воспитанные на ценностях предыдущего столетия, они оказались не готовыми к катаклизмам, которыми было наполнено их время. Только *post factum* они осознали, что «было упущено время для верного социального ориентирования людей в пространстве исторического развития... проиграно дело предотвращения гибели многих миллионов людей, беспрецедентного варварского разрушения»²⁵.

Вслед за Б. Брехтом Арендт называет годы правления Гитлера «темными временами», однако не поддается искушению засвидетельствовать их беспрецедентность, в данном случае вынося за скобки тоталитаризм как «ужасающую новизной чудовищность современности», вплетая их в общий контекст культуры. В сборнике «Люди в темные времена» она собирает очерки о своих современниках, которые своей жизнью воплотили модель поведения, заданную Сократом. Сборник открывается очерком о Г.Э. Лессинге, мыслителе XVIII в., которого Арендт считает духовным современником потерянных поколений, показывая таким образом культурную укорененность традиции «потерянности». Она пишет о нем как о человеке, который «так и не нашел гармонии с тогдашним миром и, видимо, никогда к ней и не стремился – и все же на свой собственный лад всегда чувствовал свой долг перед миром»²⁶. Арендт активно привлекает гуманистические идеи Лессинга для описания духовной настроенности своих современников, людей ее круга, которые тонко чувствовали происходящие перемены, слышали гул формирующегося тоталитаризма и грядущей войны. Улавливая духовный климат времени, они не могли найти гармонии с современным миром и порывали с ним, уходя во

²⁴ Арендт Х. Люди в темные времена. С. 250.

²⁵ Мотрошилова Н.В. Указ. соч. С. 212.

²⁶ Арендт Х. Люди в темные времена. С. 13.

«внутреннюю эмиграцию». Арендт отмечает, что в темные времена появляется особая человечность, «привязанность к людям, проистекающая из ненависти к миру, в котором с людьми обращаются “бесчеловечно”, которая неизменно проявляется среди гонимых народов и поработанных групп»²⁷. Эту человечность Арендт призывает не путать с лицемерностью, когда, поступая как все члены «добропорядочного общества», деятель прикрывается оговорками, спасающими совесть. Человечность в темные времена возникает тогда, когда человек полностью осознает свой долг перед миром в условиях, когда «добропорядочное общество» отторгает его или он сам бежит во внутреннюю эмиграцию. Арендт подчеркивает, что реальность внутренней эмиграции имеет не приватный характер, а возникает благодаря внутренней связи с миром, из которого человек ушел.

По Арендт, изгнание и бегство в таких обстоятельствах дают деятелю внутреннюю силу, крепнушую в гонениях и опасности. Эта личная сила убегающих – мужество. В книге “*Vita activa*” Арендт показала мужество в качестве «кардинальной политической добродетели» полисной жизни. Оно появилось, когда гражданин вышел из «хранительной сферы усадьбы и дома, первоначально чтобы пуститься в какую-нибудь авантюру или великое предприятие, обещающее славу, позднее чтобы войти всей своей жизнью в круг публичных дел»²⁸. Мужество не обязательно влечет за собой готовность взять ответственность за совершенное. Напротив, мужеством может быть и само решение выйти из полумрака частной жизни в публичное пространство. Мужество соединяет потерянное поколение с миром поступков и речей, инициативой, на которую человек должен «решиться, чтобы тем или иным образом включиться в мир и в нем начать нашу собственную историю»²⁹.

Кульминацией установки на мужество в темные времена является вопрос: почему я не могу согласиться с «новым порядком»? Единственно верный ответ, который дают герои арендтовских эссе, при всех вариациях звучит следующим образом: потому что, приняв его и следуя его нормам, я перестану быть собой, потеряю себя. Позднее Арендт назвала эту черту отказавшихся от

²⁷ Арендт Х. Люди в темные времена. С. 22.

²⁸ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. С. 48.

²⁹ Там же. С. 246.

публичной жизни в темные времена тоталитаризма «бессилием», заметив, что для такого отказа нужны были добрая воля и твердая вера, поскольку они мужественно смотрели в лицо реальности, отказавшись прятаться за успокаивающими иллюзиями. Мужество отказаться от участия в преступных делах тоталитаризма возникает на основе человеческой способности мыслить, судить о вопросах морали.

Сократическая мораль действует только в пограничных ситуациях, когда конвенции, правила и нормы становятся ненадежной основой для поступков. В ситуации неопределенности человек, способный к мышлению, может ориентироваться, только полагаясь на себя. В то же время Арендт призывает отличать сократическую мораль от характерных для морали-этикета апелляций к высшим моральным принципам и незыблемым абсолютам, которыми прикрывается готовность обывателей по первому же сигналу принять новые эталоны, поддержать любые порядки.

Однако сократическая мораль ограничена не только пограничными ситуациями, когда нравственный выбор основан не на том, как заведено в обществе, а на способности «мыслить и судить по себе», но и стремлением к самосовершенствованию. Все мышление человека в таких ситуациях направлено на сохранение самости, конституирующей личность. По Арендт, самость включает в себя уединение (предпосылку безмолвного диалога «меня самого со мной самим» как условия возможности мышления), способность к творчеству, связанную с внутренней целостностью, покоящейся на способности мышления и воспоминания. В таких обстоятельствах человеком движет задача сохранения чистой совести, нравственной чистоты, по большому счету, стремление к совершенству. Такая ограниченность морали не устраивает Арендт в свете приоритетности для нее публичного пространства человеческого взаимодействия. Для человека, ориентированного на самосовершенствование, второстепенными становятся вопросы справедливости, солидарности, прощения, которые активируются в пространстве политики и для Арендт представляют первоочередной интерес.

Ответственность и суждение в публичном пространстве

Арендт не перестает думать об угрозе возвращения тоталитаризма в современном мире и путях его предотвращения. Она неоднократно предупреждает о причинах, делающих новые тоталитарные решения возможными, более того, достаточно простыми и с уже отработанными механизмами применения. Ее слова звучат современно и своевременно: «Сегодня, когда повсеместно возрастает население и бездомность... массы людей постоянно становятся лишними», тотальное принуждение и опыт решения «проблемы избыточности экономически лишних и социально неукорененных человеческих масс» становится достаточно соблазнительным способом решения возникающих проблем. «Тоталитарные решения могут спокойно пережить падение тоталитарных режимов, превратившись в сильный соблазн, который будет возобновляться всякий раз, когда покажется невозможным смягчить политические и социальные проблемы или ослабить экономические страдания способом, достойным человека»³⁰.

В этом плане существенно внимание, которое Арендт отводит вопросам политики. Противопоставляя политику этике как форме ценностно-нормативной регуляции, Арендт фактически очерчивает сферы индивидуальной и общественной морали. Моральная нагруженность сферы арендтовской политики представлена в “*Vita activa*”: «Нравственность в поле политики так или иначе не может апеллировать ни к чему кроме способности обещать и ни на что не может опереться как на добрую волю, с готовностью принять весь риск и всю опасность, каким неизбежно подвержены люди как действующие существа, прощать и позволять себя прощать, обещать и держать обещания»³¹. Таким образом, важнейшими добродетелями, необходимыми в публичном пространстве, помимо мужества называются прощение и обещание. Пространство публичной политики становится для Арендт универсальной моделью публичности, обращение к которой и сегодня может обеспечить потребность жить с другими и для других в общем мире и обустроить его речью и действием для себя и будущих поколений.

³⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 595–596.

³¹ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. С. 326.

В этой системе координат Арендт ставит вопрос об ответственности. Человек взаимодействует в мире с другими людьми и несет ответственность за свои действия. В свете развернувшейся в послевоенной Германии дискуссии о коллективной ответственности она категорически отстаивает формулу личной ответственности.

Арендт различает личную и политическую ответственность. Политическая ответственность – это базовый принцип политической жизни, предполагающей наличие хотя бы минимальной власти в руках тех, кто заводит о ней речь. Политическая ответственность означает преемственность власти. В то же время это и не ответственность в строгом смысле – скорее метафорическое чувство вины «за грехи отцов, своего народа или человечества в целом, короче, за дела, которых мы не совершали»³². В качестве дополнительного звена в связи времен, задающего принадлежность к определенной политической общности, политическая ответственность возможна как компонент публичности. Однако Арендт предостерегает от того, чтобы придавать ей моральную или правовую нагрузку. Моральная ответственность – это всегда личная ответственность, и именно она актуализируется при рассмотрении вопросов, выходящих на проблему тоталитаризма. Арендт настаивает на том, что активная поддержка тоталитарного режима, равно как и пассивное следование его нормам, должны оцениваться с точки зрения личной ответственности.

Арендт рассматривает понятие коллективной ответственности и схожее с ним понятие коллективной вины. Она считает их слишком размытыми и потому дающими возможность действительно виновным избежать ответственности. «С точки зрения морали чувствовать вину, не свершив ничего конкретного, столь же неправильно, как и не чувствовать вины за действительно содеянное»³³. Арендт заявляет это в свете широко распространенной в послевоенные годы практики покаяния в среде молодых немцев, не имевших отношения к преступлениям нацизма. Единственно ощутимым результатом этой практики стало «обеление» тех, кто действительно совершал преступления в рамках тоталитарной системы.

³² Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 59.

³³ Там же.

Арендт отмечает, что судить следует людей, считавших себя винтиками и шестеренками, без оглядки на закон и приказы, которые противоречат человеческой природе и устройению человеческого общежития. Обычный аргумент обвиняемых: «Если бы я отказался это делать, это сделал бы кто-то другой», – Арендт категорически отвергает. Человек несет личную ответственность за свои действия, и аналогичные действия других в подобных обстоятельствах не оправдывают каждого конкретного человека: «Даже если бы семьдесят миллионов немцев сделали то, что сделали вы, это не извиняло бы вас»,³⁴ – подчеркивает она. Суд над Эйхманом, при всех упущениях и недоработках в организации и проведении процесса, сделал возможной оценку действий конкретного человека за совершенные им преступления, не позволил ответчику укрыться за фразами о том, что он выполнял распоряжения и следовал должностным инструкциям. Когда выносятся суждения по поводу человека, находящегося при исполнении должностных полномочий, то его следует оценивать как человека, а не как функцию, потому что «должностное лицо не перестает быть человеком»³⁵.

В связи с этим Арендт неоднократно задавали вопросы: на основе чего возможны такие суждения? имеет ли право судить тот, кто не был в тоталитарных условиях? Арендт утверждает: мыслить – значит судить самостоятельно. Суждение – это способность человека давать оценку происходящему рационально, не поддаваясь эмоциям или эгоистическим интересам, не опираясь на правила и стандарты. Суждение создает свои собственные принципы, наличие которых и дает возможность нам судить о вопросах морали. Когда человек сталкивается с беспрецедентными проблемами, такими, например, как коллапс существующих норм морали, способный мыслить, судить самостоятельно, он только и должен активировать в себе эти способности.

Активная практика политических добродетелей может обеспечить человеческий способ жизни. Мышление, способность суждения – это те средства, которые каждый имеет в своем распоряжении в качестве человека и участника человеческого взаимодействия. И эти средства способны предотвратить повторение тоталитаризма.

³⁴ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. С. 414.

³⁵ Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 61.

* * *

Ханна Арендт была первой, кто исследовал тоталитаризм в целостности политических, философско-антропологических и этических составляющих. Она рассматривала тоталитаризм как явление XX в., категорически отказавшись искать его истоки в философии от Платона до Ницше. Дистанцируясь в этом от работ К. Поппера, Арендт констатировала: пока ученый ищет корни тоталитаризма в истории западной философии, всех устраивает академичность его изложения; а как только он подвергает анализу основания и непосредственные проявления тоталитаризма, не прячась за философскими эвфемизмами, его начинают обвинять в вульгарности, отсутствии необходимой тонкости интерпретации событий и, соответственно, некорректности выводов. Арендт не пошла на поводу у общественного мнения, последовательно и до конца отстаивала свою позицию. Сегодня, спустя почти сорок лет после смерти Арендт, историческая дистанция и многочисленные документальные свидетельства по теме дают возможность определить непреходящие смыслы тоталитаризма в ее работах.

В политическом смысле тоталитаризм – это система массового террора, формирующаяся в условиях разрушения публичного пространства человеческого взаимодействия при поддержке пропаганды и идеологической обработки масс атомизированных индивидов. Условиями возможности тоталитаризма в философско-антропологическом плане становятся отчуждение индивида от политической жизни, сведение человеческого взаимодействия к функциональным контактам в экономической сфере, а также разрушение социальных связей с семьей и друзьями. Тоталитаризм уничтожает человеческие качества, превращает индивида в винтик гигантской системы власти, посредством сложной процедуры подмены смыслов снимая с него ответственность.

В сфере морали успех тоталитаризма возможен в результате некритического следования требованиям и нормам на уровне морали-этикета. Бездумно воспринимая требования, повинувшись преступным приказам, человек способен делать зло приемлемым и незаметно для себя становиться соучастником масштабных преступлений. В тоталитаризме Арендт различала два вида зла. Во-первых, некритическое принятие преступных требований и при-

казов она назвала банальностью зла. Во-вторых, в тоталитарной системе она усматривала очевидность абсолютного (радикального) зла, бросающего вызов человеческому способу жизни как таковому. Атрибутами абсолютного зла являются непроясненность, непрощенность, безнаказанность.

В современном мире тоталитаризм может быть простейшим способом решения многих политических и социальных проблем. Это предвидела Арендт и неоднократно предупреждала свою публику о возможностях применения тоталитарных решений в будущем. Противостоять соблазнам тоталитаризма может лишь человек с развитой способностью суждения. Арендт определила место этой способности на уровне сократической морали. В пограничных ситуациях, когда привычные правила и нормы становятся ненадежным руководством к действиям, человек вынужден делать нравственный выбор на основе способности суждения и формировать моральные принципы собственной жизни. В то же время Арендт видела ограниченность сократической морали, замыкающей человека в индивидуальной сфере. По Арендт, человеческие качества наиболее полно проявляются в публичной сфере, где человек во взаимодействии с другими людьми обустроивает мир речью и действием для себя и будущих поколений. Действуя свободно, творчески, активно в публичном пространстве, он развивает способность суждения, актуализирует вопросы нравственности и этим может предотвратить повторение тоталитаризма.

Список литературы

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Пер. С. Кастальского и Н. Рудницкой. М.: Европа, 2008. 423 с.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре / Пер. Р. Гуляева // *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М., 2013. С. 47–82.

Арендт Х. Люди в темные времена / Пер. Г. Дашевского, Б. Дубина. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2003. 312 с.

Арендт Х. Мышление и соображения морали / Пер. Д. Аронсона // *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М., 2013. С. 218–257.

Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии / Пер. Д. Аронсона // *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М., 2013. С. 83–204.

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

Милза П. Что такое фашизм? // Полис. 1995. № 2. С. 156–163.

Мотрошилова Н.В. Ханна Арендт и Мартин Хайдеггер: бытие – время – любовь. М.: Акад. проект, 2013. 542 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / Пер., под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Культур. инициатива, 1992.

Шмитт К. Понятие политического / Пер. А.Ф. Филиппова // Вопр. социологии. 1992. № 1. С. 37–60.

Ethical Implications of Hannah Arendt's Studies of Totalitarianism

Maria Rohozha

Higher Doctorate (*Habilitation*) in Philosophy, Professor. National Aviation University.
1 Ave Kosmonavta Komarova, Kyiv 03058, Ukraine; e-mail: rohozha@mail.ru

Arendt was one of the first researchers who substantiated unprecedented nature of totalitarianism as phenomenon of the twentieth century. The paper represents ethical implications of totalitarianism based on Arendt's examination of the human condition and humanity in dark times, banality of evil and radical evil, guilt and responsibility. According to Arendt, totalitarianism is the system of mass terror, which is formed under the conditions of destruction of the political sphere of human interaction, while providing propaganda for masses of alienated individuals. Arendt argued that in the moral sphere the success of totalitarianism was a result of noncritical adherence to norms at the morality-etiquette level. Obeying criminal demands and orders without any reflection, person is able to make evil acceptable and to become an accomplice in crimes, insensibly for her(him)self. The human qualities are represented to the full in the public sphere where a person by use of speech and action arranges the world for her(him)self and the future generations as well. Acting in public space spontaneously and creatively, a person develops her or his own judgment and makes morality the topical matter, thus preventing the recurrence of totalitarianism.

Keywords: Arendt, totalitarianism, banality of evil, radical evil, humanity, responsibility, judgment, morality, etiquette

References

Arendt, H. *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime* [The Banality of Evil. Eichmann in Jerusalem], trans. S. Kastal'skii and N. Rudnitskaya. Moscow: Evropa Publ., 2008. 423 p. (In Russ.)

Arendt, H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], trans. I.V. Borisova, Yu.A. Kimelev, A.D. Kovalev, Yu. B. Mishkenene and L.A. Sedov. Moscow: TsentrKom Publ., 1996. 672 p. (In Russ.)

Arendt, H. "Lichnaya otvetstvennost' pri diktature" [Personal Responsibility under the Dictatorship], trans. R. Gulyaev, in: H. Arendt. *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Inst. Gaidara Publ., 2013, pp. 47–82. (In Russ.)

Arendt, H. *Lyudi v temnye vremena* [Men in Dark Times], trans. G. Dasheskii and B. Dubin. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ., 2003. 312 p. (In Russ.)

Arendt, H. "Myshlenie i soobrazheniya morali" [Thinking and Moral Considerations], trans. D. Aronson, in: H. Arendt. *Otvettvennost' i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Inst. Gaidara Publ., 2013, pp. 218–257. (In Russ.)

Arendt, H. "Nekotorye voprosy moral'noi filosofii" [Some Questions of Moral Philosophy], trans. D. Aronson, in: H. Arendt. *Otvettvennost' i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Inst. Gaidara, 2013, pp. 83–204. (In Russ.)

Arendt, H. *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni* [Vita activa, or About the Activities of Life], trans. V.V. Bibikhin. St.Petersburg: Aleteiya Publ., 2000. 437 p. (In Russ.)

Milza, P. "Chto takoe fashizm?" [What is the Fascism?], *Polis*, 1995, no. 2, pp. 156–163. (In Russ.)

Motroshilova, N.V. *Khanna Arendt i Martin Khaidegger: bytie – vremena – lyubov'* [Hannah Arendt and Martin Heidegger: Being - Time - Love]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2013. 542 p. (In Russ.)

Popper, K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies], trans. V.N. Sadovskii, 2 vols. Moscow: Kul'turnaya initsiativa Publ., 1992. (In Russ.)

Schmitt, C. "Ponyatie politicheskogo" [Concept of the Political], trans. A.F. Filippov, *Voprosy sotsiologii*, 1992, no. 1, pp. 37–60. (In Russ.)